

плача от радости, поднимая к танкистам руки, благословляя наших освободителей.

Не знаю, кто в этот день мог усидеть в комнате. Жители города вышли встречать Красную Армию. К вечеру Краснодон был заполнен нашими войсками. Мы пригласили к себе на квартиру двадцать красноармейцев. Взяли бы больше, если бы могла вместить квартира. Мы с мамой стирали им белье, варили обед, подавали на стол. Моя старенькая мама, забыв об усталости, целовала и сажала к столу красноармейцев, как родных сыновей.

Когда первые танки въехали в полицейский двор, никто не отозвался на зов танкистов. Камеры молчали. Трупы расстрелянных лежали во дворе. Их было полно и в камерах. Немцы не оставили в живых ни одного человека из тех, кого захватили накануне.

17 февраля в Краснодоне был траурный день, полный плача и причитаний осиротевших матерей.

Из шахты № 5, из темного шурфа в шестьдесят пять метров глубины, бадьей поднимали тела замученных молодогвардейцев.

Около шурфа собрались все жители Краснодона. К каждому телу бросалась мать. Узнавать было трудно. Чтобы вырвать у молодогвардейцев признания, гестаповцы подвергали их нечеловеческим мукам. Девушки и ребята лежали изуродованные, в синих подтеках, с черными от огня пятнами; у некоторых на груди ножом были вырезаны звезды. Снег около шурфа был красен от крови.

Напрасна была злоба палачей! Молодогвардейцы держались мужественно и не изменили святому делу, за которое боролись и которому шесть месяцев назад присягали.

Взбешенный неудачей, начальник полиции Соликовский набросился на Толю Попова, едва стоявшего на ногах от избиений: